

Т.В. ЧЕРНИЦЫНА
(Волгоград)

**ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ
И ТАКТИК ПОРИЦАНИЯ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(на материале рассказов
В.М. Шукшина)**

Рассматриваются коммуникативные стратегии и тактики порицания как действия, направленные на достижение определенных целей, и способы реализации оценочной семантики (на материале рассказов В.М. Шукшина), представлена типология коммуникативных стратегий порицания.

Ключевые слова: коммуникативная цель, коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, порицание, оценочность, типология, языковые средства.

В лингвистике проблема коммуникативных стратегий (КС) исследована достаточно хорошо, однако различные подходы привели к неоднозначной интерпретации данного понятия: как определенных когнитивных операций понимания и интерпретации смысла [4]; средства управления конфликтом [2; 6]; средства компенсации неадекватных ресурсов для овладения языком [7]; как совокупности теоретических ходов, направленных на достижение коммуникативной цели [10]; как способов организации речевого поведения в соответствии с интенцией коммуниканта [1].

Мы придерживаемся следующего определения КС: комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели (О.С. Иссерс). Коммуникативная тактика – это способ реализации стратегии. Анализ научных исследований коммуникативных стратегий и тактик в разных типах дискурса показал, что сложно говорить о создании единой классификации коммуникативных стратегий и тактик, поскольку человеческая речь ситуативна и обусловлена множеством факторов.

На наш взгляд, целесообразнее всего рассматривать коммуникативные стратегии и тактики порицания на материале художественных текстов, описывающих бытовые ситуации из народной жизни, например рассказов В.М. Шукшина. В его творчестве ярко представлена живая разговорная речь, в которой широко распространено порицание. Идио-

стиль этого писателя характеризуют диалогичность, народность, разговорность, следовательно, эмоции, оценка, экспрессия ярко представлены в речи персонажей и реализуются в том числе стратегиями и тактиками порицания.

Для того чтобы определить специфику речевых стратегий и тактик порицания, необходимо рассмотреть семантическое содержание данного понятия: выражение неодобрения, осуждение; выговор [11, с. 562]; порицать кого в чем, за что; что – порекать, пореци, хулить, оуждать, обвинять, хаять, порочить, осуждать, поносить <...>. Порицанье [3, с. 507]. Как видно из дефиниций, представленных в словарных статьях, нет большой разницы между порицанием и обвинением, осуждением, однако, несмотря на то, что во всех случаях решается одна сверхзадача (негативное отношение к человеку через речевое воздействие, пейоративная оценка), пути ее решения различны, и эти различия лежат в основе разграничения соответствующих тактик.

Рассматривая стратегию порицания, считаем необходимым обратиться и к таким этическим категориям, как мораль, нравственность, добро, зло, которые обуславливают понятие «порицание». Речевое действие «порицание» неразрывно связано с противоположностями понятий «добро», «хороший». Порицается всегда то, что противоречит нормальному поведению, приносит вред, несчастья, страдания и не признается нормой большинством людей в обществе, т.е. порицается какой-либо поступок [12, с. 61].

В основу типологии коммуникативных стратегий порицания мы включили несколько критериев (параметров):

1. Содержание: за намерения (*– Вот что, дорогой племянничек, – заговорил дядя, стоя посреди кабинета с бумажкой в руке, – если ты будешь туту язык распускать, я с тобой по-другому поговорю...* [15, т. 2, с. 63]); за преступления (*Вовсе вышагнул он (Лёся) за черту, когда зарезал собственную жену* [16, т. 3, с. 441]); за жадность (*... Может, так: жил в Лёсе вековой крестьянин, который из горьких своих веков вынес несокрушимую жадность. Жадность, которая уже и не жадность, а способ, средство выжить – очень просто* (Там же, с. 443)); за внешний вид (*На жену Анатолия шляпа произвела сильное впечатление: она стала квакать (смеяться) и проявлять признаки тупого психоза. – Вот идиот-то. Она же тебе не*

идёт. Получилось знаешь что: **на тыкву недели ночной горшок** [17, с. 445]); за слабость (– Я больше **не могу!** – заявил снабженец. – Все! <...> – Идти надо, чего ты слюни-то распустил! Куда зароешься, **дура сырая?!** Замерзнешь тут, **кочерыжка**, и все... [16, т. 3, с. 128]); за отсутствие вкуса / мещанское мировоззрение (– Да все равно, все равно!.. – загорячилась женищина. – Поймите вы это, ради бога! **Неужели трудно поставить какую-нибудь тахту вместо купеческой кровати, повесить на стенку три-четыре хорошие репродукции, на стол – какую-нибудь современную вазу...** (Там же, с. 21)); за «неправильный» образ жизни (– Вы сами, Катька, виноваты во всем: обвиняете ребят, что они за городскими начинают приударять, а вас забывают. А нет, чтобы подумать: а почему так? А потому, что городские интереснее вас. С ней же поговорить и то тянет. **Наша деревенская – она, может, в десять раз красившее ее, а как нарядится в какой-нибудь малахай – черт не черт и дьявол не такой. Нет, чтобы подтянуть все на себе да пройтись по улице весело, станцевать, спеть... Нет, вы лучше будете семечки проклятые лузгать да сплетничать друг про дружку** (Там же, с. 27)); за обман / неправду (– **Что ты мне очки втираешь!** – осердился дядя Николай. – Читает он!.. Менделеев мне нашелся! – Вот как он меня все время обманывает, – сказала мать. – Спросишь: Витька, выучил уроки? Выучил! А где выучил, где выучил – **ничего не выучил, одна улица на уме...** (Там же, с. 130)); за пьянство (– **Вот, пожалуйста, коньяк сидит дуем!** – брезгливо сказал командировочный. – Он до Новосибирска не доедет. И эта – тоже... **куда с таким пьянчужгой поехала! На курорт!..** (Там же, с. 246)); за неискренность (Профессор смотрел на сельских жителей – он правда не понимал, что происходит. <...> – Чувствую, – заговорил профессор серьезно, – **ломаете дурака, Иван Иванович...** (Там же, с. 255)).

2. Объект: прямое порицание (– **Это называется – «покатил бочку»**, – сказал кандидат. – **Ты что с цепи сорвался?** [15, т. 3, с. 11]); косвенное порицание («Запугать хочет. Как с ребенком разговаривает, **стервец. Стреляный воробей**, вообще-то говоря, – думал Аксенов. – В секретари метит. Как бы тебя ущемить, **черта лысого?** Высажу сейчас посреди дороги. Скажу, что в другую сторону надо» (Там же, т. 2, с. 14)); самопорицание (Егор еще раз оглядел степь... **Вот и этого будет жаль. «Да что же я за**

урод такой! – невольно подумал он. – **Что я жить-то не умею? К чертям собачьим! Надо жить. Хорошо же? Хорошо! Ну и радуйся»** [15, т. 2, с. 339]).

3. Эмоциональность: рациональная (– Типичный демагог-кляузник, – сказал кандидат, обращаясь к жене. – **Весь набор тут...**» [16, т. 3, с. 354]); эмоциональная (– А я не знаю. Ну, не знаю, что хошь делай! **Ты просто дурак! Долбо...** – И Сильченко матерно выругался. И вскочил с верстака. – **Чего тебе от меня надо?! –** закричал он. – **Чего?! Ты можешь прямо сказать? Или я тебя попру отсюда поленом!.. Дурак ты! Дубина!** [15, т. 3, с. 288]).

4. Степень серьезности: серьезная (– **Кэ-к-кулак!** – сказал Сеня останавливаясь. – **Кэ-к-когда будем переходить к коммунизму, я первый проголосую, чтобы тебя не брать** [16, т. 3, с. 411]); ироничная (– Скажите, пожалуйста, какой он **занятой!** [15, т. 2, с. 34]).

5. Временная направленность: прошлое (– **Врачи, мать их!.. все вытаскали, а один надо обязательно оставить!** (Там же, с. 260)); настоящее (**Ты тут не вякай, – говорит Наташка. – Лаботряс!** (Там же, с. 50)); будущее (– **Надо писать умнее, тогда и читать будут...** (Там же, с. 82)).

6. Способ выражения: вербальный (– Ты, Митька, **балда все-таки**, – сказал бригадир. – **Дубина просто** [16, т. 3, с. 452]); невербальный (**По-разному оценили шляпу: кто посмеялся, кто сказал, что – хорошо, глаза от солнышка закрывает... Кто и вовсе промолчал – шляпа и шляпа, не гнездо же сорочье на голове** [16, с. 96]).

7. Степень намерений: оскорбление (– Если всякие **молокососы** будут приезжать и обзывать... [15, т. 2, с. 30]); угроза: (– **Вот змей-то!** – изумилась Поля. – **Козел воющий. Ну-ка забирай свою бутылку – и чтоб духу твоего тут не было! А то возьму ухват вон да по башке-то по умной...** Умник! [15, т. 3, с. 90]).

8. Особенности языкового оформления: сравнение / противопоставление (– **Лодыри вы. Светлые. Вы ведь как нонче – можно четыре рубля в день заработать, а он две ездки сделает и коней выпрягает. А сам – хоть об лоб поросей бей – здоровый. А мне двадцать пять соток за езду начисляли, и я по пять ездок делал <...> И вы же ноете: не знаю, для чего робить!** (Там же, т. 2, с. 317)); отрицание (– **Не сердись, отец, – примирительно сказал парень. – Ненавижу, ког-**

да жить учат. Душа кипит! Суют в нос слякоть всякую, глистов: вот хорошие, вот как жить надо. **Ненавижу!** – почти крикнул. – **Не буду так жить. Врут!** Мертвечиной пахнет! **Нету на земле святых!** [15, т. 2, с. 222]; риторические вопросы (*Но зато он задумался о том человеке, в плаще. Ведь – мужик, долго жил... И что осталось от мужика: трусливый подхалим, сразу бежать к телефону – милицию звать. Как же он жил? Что делал в жизни? Может, он даже и не догадывается, что угождать – никогда, нигде, никак – нехорошо, скверно. Но как уж так надо прожить, чтобы не знать этого?* (Там же, т. 3, с. 50)); фразеологические единицы (*– ...Уж чья б корова мычала, а твоя бы молчала...* [16, т. 3, с. 27]).

Анализ текстовых фрагментов, представляющих стратегии порицания, показал, что чаще встречается порицание поступков, выходящих за рамки общепринятой нормы поведения, а также пороков – пьянства, лени, жадности, болтливости, жестокости. Реже порицаются внешний вид, бедность и т.д. Как видно из приведенных выше примеров, нередко встречаются синкретичные стратегии порицания, включающие несколько интенций, например, иронии и отрицания, обзывания и обвинения, сравнения и оскорбления.

Речевые стратегии порицания представлены в рассказах В.М. Шукшина следующими тактиками: иронии (*– Петька твой начал уж потихоньку выходить в люди. Сперва пока в огороды* [15, т. 3, с. 62]); обвинения (*«Завидует, лысан! Сам не умеет выступать и завидует другим, – подумал Аксеньич, но не успокоился от этой мысли. – ... Одни возгласы да обещания. Недостатки, положим, были названы, но... и то, я вам скажу, схитрили вы здесь»* (Там же, с. 13)); оправдания (*– Теперь проиграл, – с досадой сказала Настя. – Занимайся своим делом! – обиделся Гена. – Нельзя же так в самом деле. Отойди! – А еще инженер. – Настя встала и пошла к своему месту* (Там же, с. 135)); сравнения (*– Другие, посмотришь, гладкие придут, как боровья... сытые – загляденье! А на тебя смотреть страшно* (Там же, с. 62)); дискредитации (*–...Какая у тебя память-то дырявая. Мой же брат, Аркашка, заступился за вас. Забыла? А кому потом ваш отец три овечки ночью пригнал? Забыла? Короткая же у тебя память!* (Там же, т. 3, с. 71)); оскорбления / обзывания / негативного обращения (*– Попяра!.. А если я сейчас, например, тебе дам разок по лбу, то как?* (Там же, т. 2, с. 544)); брани (*– Сам ты отсталый, Егор, – опять встрял Северьян. – Сейчас не глядят на*

это. Сейчас девки умнее пошли. Я старый человек и то понимаю (Там же, с. 41)); угрозы (*– Посмотрим, посмотрим!* – еще раз сказал Аксёнов, и таким образом, точно обещал новичку верную каторгу через год-другой (Там же, с. 41)); ссоры (*– Пошел ты!... – холодно вскипел Федор. Он уже не мог больше выносить этой бессовестной пустоты и фальши в человеке. Она бесила его* (Там же, с. 78)); упрека (*– Легко тебе живется, Иван. <...> Привыкли люди на чужбинку жить* (Там же, т. 3, с. 61)); обиды (*– Тебя, дьявола, голого почесть в родню приняли, а ты же на меня с топором! Стыдно есть или нету?* [16, т. 4, с. 156]); унижения (*– А хочешь я тебе туда статью вляпаю? ... Ма-а-ленькую такую пометочку сделаю, и ты у меня здесь станцуешь ... краковяк...* [15, т. 3, с. 80–81]); проклятия (*– <...> Штыбы бы вам околеть, не доживая веку! ... Штыбы бы вам... жены злые попались!..* (Там же, с. 77)).

Исследуемый материал показал, что стратегии порицания в большинстве своем представлены тактиками обзывания (оскорбления), иронии, обвинения и упрека, реализующимися в названии-характеристике человека (лексических маркерах тактик порицания): *столб, холм, журавль, финтифлюшка, дубина, осел, боровья, фраер, сопляк, балда, хам, дурак* и др. Как видим, Шукшин широко применяет зоо-семную лексику, часто в виде диалектизмов (*поскотина*), низких коллоквиализмов (*попка, присобачить*), общих сленгизмов (*гадина*), нецензурных (запрещенных) слов и выражений (*сука, вишвота, сукин сын*).

Итак, заметим, что тактики порицания отличаются высокой частотностью употребления (из 1215 диалоговых фрагментов 1075 (86%) содержат порицание, 175 (14%) – похвалу), что подтверждает общезыковой фактор: отражение отрицательных явлений действительности воспринимается как отклонение от морально-этических норм и получает отрицательную языковую оценку. Порицание, таким образом, направлено на отрицательные проявления личности: лень, трусость, жадность, ошибки и промахи в работе, неподобающий внешний вид, поведение, в том числе и речевое. Из всех аспектов оценки в порицании преобладает морально-этический.

Литература

1. Борисова Е.Г. Управление вниманием и пониманием: предварительные действия говорящего // Материалы II Междунар. конф. по когнитивной науке. 9–13 июня 2006 г. СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2006.

2. Гулакова И.И. Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения в конфликтной ситуации общения : дис. ... д-ра филол. наук. Орёл, 2004.

3. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М. : ЗАО Изд-во «ЭКСМО-Пресс», 2000.

4. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М. : Прогресс, 1989.

5. Дьячкова И.Г. Высказывания похвалы и высказывания порицания как речевые жанры в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2000.

6. Желтухина М.Р. Комическое в политическом дискурсе конца XX века. Русские и немецкие политики / Ин-т языкознания РАН. Волгоград, 2000.

7. Залевская А.А. Введение в психолингвистику : учебник. 2-е изд., доп. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2007.

8. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2006.

9. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002.

10. Ключев Е.В. Речевая коммуникация : учеб. пособие для ун-тов и вузов. М. : ПРИОР, 1998.

11. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М. : Рус. яз., 1990.

12. Сабиров С.Ш. Два лика зла // Размышления русских мыслителей о добре и зле. М. : Знание, 1992. С. 61.

13. Серебрякова Р.В. Национальная специфика речевых актов комплимента и похвалы в русской и английской коммуникативных культурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2002.

14. Шукшин В.М. Рассказы. М. : Худож. лит., 1984.

15. Шукшин В.М. Собрание сочинений: в 6 т. / сост. Л. Федосеева-Шукшина, коммент. Л. Аннинского. М. : Мол. гвардия, 1992. Т. 2.

16. Шукшин, В.М. Собрание сочинений: в 5 т. Екатеринбург: Посылторг, 1994. Т. 3.

Н.П. ИОНОВА
(Коломна)

ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ КОЛОМЕНСКОГО РАЙОНА В XX – начале XXI в.

Описывается антропонимическое пространство Подмосковья, в частности личные имена Коломенского района в XX – начале XXI в. Изучается влияние социальных и культурных процессов на формирование и количественно-качественные изменения именника Коломенского района в данный период.

Ключевые слова: антропонимическое пространство, именник, антропонимический взрыв, имятворчество, «деревенские» и «городские» имена, христианизация именника.

История русских личных имен – это отражение истории народа и социальных процессов, происходящих в нем. А.В. Суперанская отмечает: «...реально живет имя собственное в той подсистеме, в которой и на основе закономерностей которой оно возникло. Подсистемы эти прежде всего территориальны <...> кроме того, эти подсистемы в известной степени социальны – определяются доминирующим в данной местности населением» [4, с. 224]. В ходе исследования мы проанализировали именники Коломенского района за 1900–2010-е гг. (77 997 антропонимов).

В дореволюционный период (1900–1917 гг.) ведущим фактором, влияющим на состав именника, было существование святцев. Исследование показало, что именники Коломенского уезда состояли исключительно из канонических имен, рекомендованных «Месяцесловом всех святых» 1891 г. издания. Например, в 1906 г. имя *Татьяна* давалось лишь в декабре или январе (именины 25 (12) января), *Вера*, *Надежда*, *Любовь* и *София* – в сентябре (именины 30 сентября (17 сентября)), а *Павел* – в июне (именины 12 июля (29 июня)). Таким образом, распространенность имени находилась в прямой зависимости от того, как часто оно появлялось в месяцеслове. Так, именины Марии празднуются 28 раз в год, поэтому это имя самое популярное в данный период (от 11,3 до 17,8% от общего числа имен года), а именины Нины отмечаются один раз (27 (14) января), и на имя приходится от 0,1 до 1% от общего числа имен года.

Peculiarities of use of communicative strategies and tactics of blame in a fiction text (on the basis of stories by V.M. Shukshin)

There are considered the communicative strategies and tactics of blame, which are the actions directed at the achievement of particular goals, and the ways of realization of valuation semantics (on the basis of stories by V.M. Shukshin), suggested the typology of communicative strategies of blame.

Key words: *communicative goal, communicative strategy, communicative tactics, blame, valuation, typology, language means.*